

Айлинн Лэйн

Творческий псевдоним Натальи Романенко. Поэт. Родилась 28 января 1989 года в Москве, где и живет всю жизнь. Публиковалась в сети, изредка участвовала в небольших конкурсах. Финалист конкурса «Собака Керуака» 2020 года. В 2023 году заняла второе место на фестивале «Всемпоззии».

Азалия, хризантемы, паучьи лилии

* * *

А когда по телу пускают ток — это больно, как себя ни готовь, хоть ты стисни зубы на раз-два-три, хоть тверди себе — не ори.

Говори, пока не прервется связь, — каждый миг по-своему будет свят, но последний станет пинком в живот — ни один не переживет.

Вот последний танец, последний хлеб, не успели — в последний вагон билет, между нами — кровь, огонь, холода, не идут к тебе поезда.

Не домчит олень, не дойдет письмо, мы как будто строим последний мост — из воды, из слов, из последних сил, пусть никто нас и не просил.

А в воде блестит золотая пыль, да спасется всякий, кто воду пил, подожди, я вот-вот тебя подхвачу — задержишься еще на чуть-чуть...

* * *

...И было небо — пронзительно-голубое, безоблачное, ласковое как будто.

И я ходила играть в огромное поле — туда, где белый клевер и незабудки.

Плела венки, бежала с ними до речки,
пускала их по трепетной водной глади,
и птичий голос, похожий на человеческий,
звучал мне новым куплетом к старой балладе.
И я ему тихонечко подпевала
и верила, что именно так и будет:
из-под земли пробьется вода живая
и вылечит и хворь, и печаль люблю.
И бабушка, наконец, перестанет плакать,
и брат покинет край, где всегда морозы,
вернется, рассмеется...
И добрым знаком
у нас в саду расцветет голубая роза.
Я ничего не знала об этом мире,
да только у неведенья век недолог.
Не станет больше прежним мой братец милый:
в груди его ледяной — свинцовый — осколок.
И нет уже давно ни цветов, ни сада —
увяло все под снегом алым и белым.
Река заледенела. А ту балладу
и я бы уже по памяти не допела.
...Другая девочка к краю обрыва мчится,
и мир вокруг безмолвен и безучастен.
С дрожащих ладоней она отпускает синюю птицу
и нежно ей шепчет:
«Только не возвращайся...»

* * *

...азалия, хризантемы, паучьи лилии.
Все у нас было — смыло осенними ливнями.

Женщина пела. Было в доме ее холодно.
Так и не стала ни частью рода, ни частью хора. Пела — дышала словами,
звуками, нотами, то ли женщина, то ли чья-то тень одинокая.
К ней приходили, бывало, садились, слушали, кто-то — чаще, кто — от
случая к случаю.
Он стоял поодаль — не то чтоб прячься за их спинами, просто тонкий
слух, просто зрение ястребиное. Да и думалось — зачем видеть его им?
Вот кричали бы — дорогу славному воину...
А ему хотелось покоя, хотелось музыки. Он решил — побуду здесь и
уйду неузнанным.

Он пока не чуял дрожи в ее голосе, ну, а если чуял — не о нем же ей беспокоиться.

...азалия, хризантемы, паучьи лилии.

Мы ведь были — неужели вы позабыли нас?

Было в доме ее холодно. Солнца не было.

Все ждала она чего-то — первого снега ли, чтобы что-то началось — или, может, кончилось. Открывала окна — ветер встряхивал колокольчики. И они смеялись — звонкие, будто летние...

Как она мечтала, чтоб он сыграл на флейте ей!

Как забыть не могла тот короткий вечер у озера... Шла по берегу, время темное, время позднее, шла — и вдруг услышала, и застыла, но тут же спряталась. Подойти не смела, но мелодия стала якорем — зацепилась за живое да за глубинное...

Не приблизилась, не решилась узнать имени, но зато лицо и руки его запомнила. И была теперь очарована, переполнена.

И потом, конечно, в городе его встретила. Раз ты воин — будет слава бежать быстрее тебя.

Раз ты воин... То было тепло, то пусто ей. Как же так — эти руки творили и смерть, и музыку? Она знала лишь мир — войны не знала с ее невзгодами, но и мира не видела — не была за стенами города. И смотрела теперь — на убийцу и на защитника, и что ведал он — совсем не умела считать.

...азалия, хризантемы, паучьи лилии.

Упустили мы, как ночи сделались длинными.

Было холодно. Были ночи долгими, черными.

Сколько песен о нем — а она писала еще одну. Сколько песен — и эта, конечно же, будет лишняя...

Приходил все реже он — только садился ближе. И она замечала крохотное, нечаянное — как он робко брал в ладони пиалу с чаем, бледный шрам у виска, на пальцах — чернильные пятнышки. И как будто становилось что-то понятнее.

Но — садился ближе, а приходил все реже. А вокруг шептали — ничто не будет по-прежнему. Счастье — морок, чушь, а осень — лиса-обманщица.

Друг за другом на войну уходили мальчики.

Уходили мальчики — им приказано стать мужчинами. А ему ответили — не надобно, не по чину вам. Не война, а стычка, так, для юнцов крещение.

А она рыдала — как же так, ну зачем они?..

А она читала письма — от злых и раненых, от чужих детей со всей стороны бескрайней, от детей, у которых никто ничего не спрашивал... И писала песни, и пела, и кровью кашляла.

И встречалась взглядом с ним — и робела, как виноватая. Что ему ее печали, ее слова-то?

Были ночи долгими, но вдруг загорелись звездами — и как будто стало светлее, но было поздно.

...азалия, хризантемы, паучьи лилии.

Время сотрет с наших ладоней линии.

Было холодно. Выпал снег. Началась осада.

Было трудно, но она все-таки дописала.

Знала, знала ведь — надо сказать самое важное, потому что жизнь — хрупкая птица, бумажная. Приходили, слушали — до последнего она пела им.

...говорила, она при штурме погибла первая.

Понял он или нет, чего сказать она не успела — но вот кровь ее была алой, как вишня спелая.

...азалия, хризантемы, паучьи лилии.

Много лет назад в этом городе отцвели они.

Было холодно — двери распахнуты, ставни выбиты.

Все равно настагает смерть — чего бы ни выбрал ты.

Кто же жил тут, и кто вечерами сидел под окнами? То ли женщина, а то ли тень одинокая, то ли воин, то ли мальчик с душой израненной.

Говорили, он стал полководцем — а может, странником. Говорили, он шел — и чинил то, что было сломано...

Что же все-таки помнил он — кровь ее или слово?

* * *

Клен и береза, дуб и орешник, желуди, хрупкая скорлупа...

Теплая осень не станет прежней: школа случилась — и ты пропал.

Прописи, цифры, тетради в клетку, вырви листок и перепиши...

Вот бы скорее дожить до лета, спрятаться в бабушкиной глуши.

...спрятаться, чтоб не столкнуться лбами, папа вернется — рот на замок...

Завтра велели сдавать гербарий — ты еще позже сказать не мог?

Марш за уроки, твои проблемы, мне на работу к восьми утра.

...выйду без куртки — вдруг заболею, хоть полчаса бы у сна украсть.

Зябко и боязно, но хотя бы, кажется, в этот раз без дождя.
Яркой листвой шелестит сентябрь, что-то забытое бередя.
Что-то скользит одинокой тенью, будто бы плачет — такая жуть...
Гроздья рябины, заросли терний... я не сбежал, я собой горжусь.
Это всего лишь кусты, ведь правда? Ясень, боярышник, бузина...
Листики, листики собираю, мама, скорей бы уже весна.
Мама, пожалуйста, сделай чудо. Мама, я думал, ты можешь все.
Мам, если двойку не получу я — ты станешь феей и нас спасешь?
Знаю, все это смешные сказки. В городе шумном нет волшебства.
...мам, а бабуля не пьет лекарства. В старом котле кипит отвар.
Как-то я выпил всего глоточек — и ничего, до сих пор живой...
Город как будто бы обесточен, слышится смех и звериный вой.
Пахнет грибами и диким лесом, звон колокольчиков, ведьмин круг...
Песенка, песенка, лейся-лейся, сказки почти никогда не врут.
Здесь же все это расти не может, здесь же асфальт, и бетон, и смог...
Стайки светящихся мелких мошек вьются и шепчут — малыш, ты смог.
Мальчик, не бойся, иди за нами, тут ни учителя, ни отца.
Страшно и весело — знаю, знаю, город... но вижу волшебный сад.
В памяти меркнут и двор, и школа, здесь, как у бабушки, хорошо.
Я ведь вернусь, ничего такого, я ведь совсем на чуть-чуть ушел.
Мама, я знаю, ты будешь злиться: мой ты ребенок или не мой?
Ягоды, желуди, мох и листья...
Мама, прости, я хочу домой.